



ЮРИЙ НАГИБИН

ДОБРЫЙ ТАЛАНТ

К 100-летию
со дня
рождения
О. Генри

В тюрьме провинциального городка Колумбуса, штат Огайо, как и во всех американских тюрьмах, заключенные не имели имени — лишь номерной знак. И нет ничего удивительного, что осужденный за растрату банковский бухгалтер Вильям Сидней Портер, переступив порог тюрьмы, стал называться арестантом номер 34 627. Потеря имени не очень смутила и самого арестанта. Скрываясь от карающей руки закона, он в скитаниях по Центральной и Южной Америке множество раз менял имя. Бывали у него имена и получше и похуже, но под всеми ними оставался все тот же деклассированный мелкий служащий, несчастный отец и муж, жестоко и безысходно тоскующий в разлуке с близкими.



Удивительное, да что там — чудо свершилось позже: из тюрьмы вышел не Вильям Сидней Портер, а О. Генри. Всего лишь десять лет носил бывший аптекарский помощник, бывший бухгалтер, бродяга и арестант это случайно найденное имя, но вот уже полстолетия его творчество одаряет людей добром, нежностью, улыбкой, слезами.

Жизнь О. Генри, такая пестрая, бурная и горестная, была бы непосильна для обывателя, но она оказалась благодатной для писателя. На своем недолгом творческом пути О. Генри создал до изумления много: около трехсот новелл и роман. В эти последние годы он вел тихую замкнутую жизнь, лишённую внешних впечатлений, да он и не нуждался в них, щедро напоенный всем виденным и пережитым.

То, что могло бы сломить, озлобить, ожесточить обывателя, наделило душу творца добротой, высокой жалостью и состраданием к людям. Простых читателей радует, а исследователей заботит, как некая литературная тайна, неожиданность — почти всегда счастливая — концовок многих новелл О. Генри. Иные склонны видеть в этом нарочитость, искусственную заданность, будто О. Генри из примиренчества насильственно подгонял свои рассказы к неожиданно счастливой развязке. А мне это кажется органичным. Жизнь О. Генри не знала счастливого случая, судьба не делала ему подарков. Когда в банковской кассе обнаружилась недостача, действительный похититель не явился внезапно с повинной, ревизия не задержалась по непредвиденным обстоятельствам, и О. Генри пришлось бежать. Когда, пренебрегая опасностью, он примчался из добровольного изгнания к постели тяжело больной жены, в болезни не случилось внезапного перелома, и О. Генри похоронил жену. И никто не спас его от решетки. Еще не подсохла земля на свежем могильном холме, а уж дверь тюремной камеры захлопнулась за О. Генри.

Счастливым случай не благоволил к нему, зато он благоволил к взломщику сейфов Джимми Валентайну, даруя ему свободу.

благоволит к нищей художнице Сесилии, посылая ей богатого жениха, оказавшегося к тому же ее романтическим спасителем, благовоит к великому множеству героев О. Генри: маленьким клеркам, продавщицам, ковбоям, боксерам-неудачникам, бродягам. О. Генри хочется, чтобы все эти люди были счастливы, и он дарует им счастье не только ради них самих, но и ради тех конторщиков, продавщиц, ковбоев, боксеров и бродяг, которые прочтут его рассказы, ради всех маленьких на земле.

А в том, что счастье приходит к ним случайно, самым невероятным образом, сказались большая писательская честность О. Генри.

Он-то уж, как никто, знал, сколь жестока и беспощадна окружающая действительность. Естественным и закономерным путем счастье не может прийти к маленькому человеку. Для этого нужно чудо, но ведь чудес на свете не бывает... И в этом смысле концовки О. Генри мнимо благополучны. Ибо счастливые развязки каждой отдельной судьбы своей парадоксальностью лишь подчеркивают глубокое неблагополучие в мире, в котором обитают герои О. Генри. И потому эти счастливые концовки исполнены зачастую скрытой печали. «Ядовитый» оптимизм концовок О. Генри — чего, видимо, как правило, не замечали его издатели — обличал общество, в котором добро, благородство, справедливость могут восторжествовать лишь вопреки логике, правящей этим обществом.

Да, О. Генри не был благодушным, сказочным рождественским Санта-Клаусом, хотя свою литературную деятельность начал с рождественского рассказа и в дальнейшем не раз обращался к этому роду литературы, позволяющему доводить доброту до сентиментальности. Кстати, и в нашей и в зарубежной критике делались попытки трактовать О. Генри как литературного деда-мороза. Но против этого встает все его творчество. Не говоря уже о мнимости, иронической двойственности счастливых финалов его новелл, многие рассказы О. Генри горьки и обличительны без всяких скидок на жалость. Достаточно вспомнить такой жестокий рассказ, как «Дороги, которые мы выбираем» с его знаменитым: «Болливару не вывезти двоих», или такие трагические рассказы, как «Город без происшествий», «Последний лист», «Без вымысла»...

А вот незаслуженно редко печатавшийся у нас рассказ «Только расчет»*. Два эстрадных артиста, мужчина и женщина, гастролируют с маленькой эффектной пьесой, пользующейся у зрителя огромным успехом, а стало быть, приносящей солидный доход. Артисты молоды и привлекательны, но они сугубо деловые люди, всецело поглощенные заботой о том, чтобы обеспечить себя про черный день, и потому они заранее договариваются, чтобы никакие романтические отклонения не омрачали их турне.

* «Strictly business».

По ходу пьесы героиня стреляет в героя из настоящего пистолета, но промахивается, и все завершается счастливым финалом. Но как-то раз рука артистки дрогнула, и пуля попала в шею партнеру, который упал на помост, обливаясь кровью, к вящему восторгу зрителей. Непомерное отчаяние черствой, деловой до кончиков ногтей женщины открывает тщательно хранимую ею тайну: она любит своего партнера, страстно, преданно, нежно. И он, в свою очередь, понимает, что в течение всей поездки старательно и жестоко подавлял чувство любви к ней. Но что же мешает их любви сейчас? Да совсем немного: желая сократить расходы, связанные с переездами, гостиницами и т. п., они в самом начале турне холодно, без намека на чувство, сочетались законным браком. Деловой расчет погубил простое человеческое счастье. Слишком поздно пришло к ним прозрение, ведь сейчас уже не начнешь сначала. Гнев и сарказм О. Генри обращены не к бедным, маленьким людям, а к жестокой и холодной действительности, искалечившей их души.

У нас много издают О. Генри, но издают, мне кажется, не совсем правильно. Обычно составляют однотомники, включающие рассказы разных циклов. А почему бы не издать, к примеру, отдельно его книгу «Сердце Запада», где собраны все тexasские рассказы? Трудно представить себе более полезное и радостное чтение для юношества, чем эта книга, воспевающая мужество, верность, честь, преданность в дружбе. Впрочем, чтение этой благородной и доброй книги — хорошая профилактика и для взрослой души. Подобно Диккенсу, О. Генри — писатель на все времена, он тот надежный спутник, с которым не хочется расставаться ни в начале, ни в середине, ни в конце пути.

Мне доводилось встречать в литературе, посвященной О. Генри, сегования на то, что рано оборвавшаяся жизнь не дала ему написать лучших, быть может, книг. Но ведь каждый писатель, даже умерший в старости, уносит с собой какие-то не воплощенные замыслы, и подобное сожаление беспредметно. Важно лишь то, что сделано, а сделано О. Генри так много, будто он знал, что ему отпущен недолгий срок.

Сегюр в своей книге воспоминаний об Анатоле Франсе приводит любопытную беседу Франса с одним английским литературоведом. Высокообразованный, почтенный, но несколько ограниченный ученый приехал к Франсу с целью получить исчерпывающее определение: что такое великий писатель? По обыкновению чуть насмешливо и вместе с тем заинтересованно Франс начинает исследовать этот сложный и пустой вопрос. Одно за другим он доказательно отвергает такие качества, как чистота стиля, совершенство формы, сюжетная занимательность, без которых его собеседник не мыслит себе произведения, заслуживающего звание «великое». В конце концов Франс преподносит ошеломленному

слушателю такой вывод: любовь к людям, вот что создает великого писателя.

О. Генри обладает многими достоинствами как новеллист: он лаконичен, виртуозно владеет сюжетом, он мастер детали и характеристики, диалог его скуп и остер, но важнее и выше всего в нем — любовь к людям. Веселые, иногда печальные, а порой и горькие новеллы О. Генри не тускнеют с годами. А ведь столь многое уходит с быстротекущим временем! И хотя некото-

рые шутки О. Генри, особенно ценимые современниками, сейчас потеряли соль, намеки утратили злободневность, литературные приемы кажутся порой чуть обветшалыми, иные типажи устарели — золотая сердцевина его произведений осталась нетронутой, и О. Генри не только не растерял, но умножил число своих читателей. Значит, прав Анатоль Франс, когда величие, нетленность писательского творчества находил в любви к людям.

Е. УМНЯКОВА

ВЕЛИКИЙ ВЕНГЕРСКИЙ РЕАЛИСТ

К 20-летию
со дня
смерти
Жигмонда
Морица

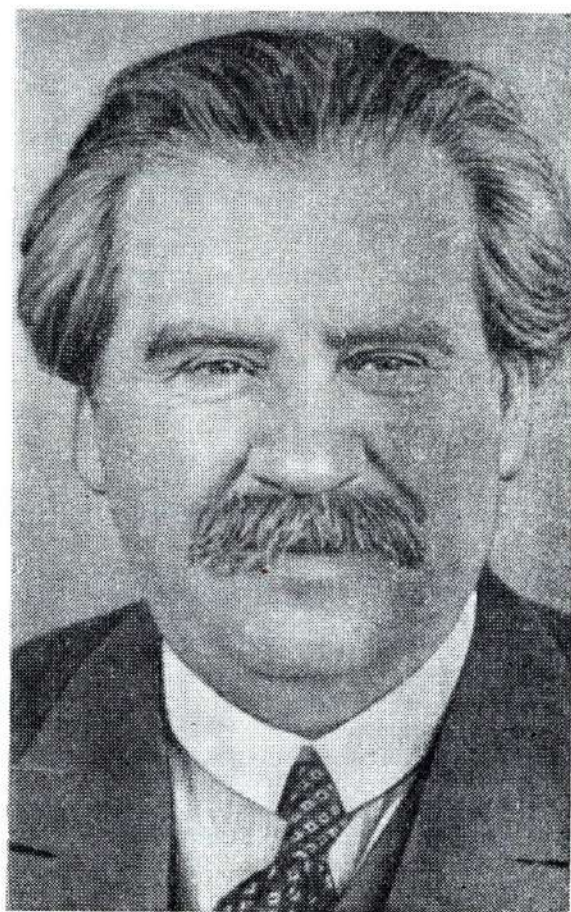
Известный венгерский прозаик Имре Шаркади как-то раз сравнил Морица с лесами, горами и необъятным океаном, углубляясь в которые человек каждый раз открывает для себя что-то новое, важное, неизведанное. Жигмонд Мориц умер 20 лет назад, но в Венгрии и сейчас о нем говорят живо и взволнованно, как о современнике. Интерес к творчеству Морица настолько велик, что за годы, прошедшие после освобождения, книги его вышли в свет почти в двухстах изданиях общим тиражом около двух миллионов экземпляров. Таким небывалым для Венгрии тиражом не публиковались даже произведения Петёфи.

Современные венгерские писатели неоднократно обращались и продолжают обращаться к наследию Морица. Достаточно вспомнить, например, недавнюю дискуссию об изображении крестьянства в современной венгерской прозе, где не случайно так много говорилось о творческом развитии традиций Морица.

Чем же объясняется огромная популярность Морица и его непреходящее значение?

Жигмонд Мориц первым из венгерских прозаиков сумел создать подлинно живые, реалистически объемные типы крестьян, передать атмосферу и уклад жизни старой венгерской деревни. Он заговорил о крестьянах без сентиментальной жалости и натуралистического огрубления, как о людях, равных себе, с недостатках и достоинствах которых можно и должно говорить открыто и прямо.

В книги свои — искренние и суровые — Мориц вкладывал богатый опыт собственных невзгод и лишений. Сын крестьянина, он с детских лет узнал тяготы жизни, на



себе испытал унижения, которые стояли на пути простолюдина. Даже годы учения были омрачены для Жигмонда враждебным отношением многих преподавателей и одноклассников, возмущенных тем, что крестьянин хотел получить образование наравне с детьми власть имущих. Будучи известным писателем, Мориц оставался близок той среде, которая вскормила и взрастила его. Недаром в кругу писателей его называли «великий крестьянин».

Уже первый сборник рассказов Морица «Семь крайцев» (1909) поразил современников глубокой народностью, подлинным новаторством в изображении простого человека.

КАЛЕНДАРЬ
«ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»